

Джон Ортберг

СТОЛИК *на* ОДНОГО?

КАК ДОСТИЧЬ БЛИЗОСТИ С ЛЮДЬМИ И БОГОМ

СТОЛИК *на одного?*

Предаваясь размышлениям о любви, я представляю стол.

Я вырос в шведской семье, в Рокфорде, штат Иллинойс, в окружении других соплеменников. Шведы не самый эмоциональный, экспрессивный и разговорчивый народ. Иногда, вернувшись вечером домой, на вопрос жены, как прошел день, я отвечаю: «Извини, мой словарный запас исчерпан». Нэнси трудно меня понять, потому что она *никогда* не устает от разговоров. Она — просто неисчерпаемый словесный источник, Ниагарский водопад слов.

Впрочем, шведы славятся своими застольями. В семье, в которой я рос, собрание домочадцев было важнейшим проявлением родственной любви. Любое событие собирало семью за одним столом, будь то чье-то несчастье, болезнь, свадьба, приобретение машины, покупка дома, рождение ребенка или смерть одного из родственников. В доме всегда стоял насыщенный аромат только что сваренного

кофе (обычного кофе), и мы собирались все *вместе*, чтобы поговорить, посмеяться или поплакать.

Если подумать, многие моменты, которые формируют нашу жизнь, проходят за столом. Несколько моих незабываемых детских воспоминаний неразрывно связаны с прямоугольным столом со стеклянной столешницей в небольшой столовой нашего дома на Бренденвуд-террас в Рокфорде, штат Иллинойс.

Стоит закрыть глаза, как я вновь вижу сидящего во главе стола отца; справа от него моего младшего брата, Бартона; потом себя, очкарика в брекетах, а справа и чуть наискосок от меня — маму.

Помню, как-то раз, во время завтрака, мама держала в руках тост с арахисовым маслом. Тост был еще достаточно теплый, масло слегка подтаяло, и как только она поднесла его ко рту, я протянул руку и, ловко поддев снизу, шлепнул ей его прямо на лицо. Чтоб вы ничего плохого не подумали, мы все в тот раз вымазались арахисовым маслом и нахохотались до слез.

Счастливое было время.

А иногда и не очень.

Пару лет назад у моего друга (тоже шведа) умерла мать. Как только я узнал об этом — буквально через несколько часов после ее кончины, — я позвонил ему на мобильный. Выяснилось, что его семья в полном составе собралась за столиком в местной блинной и пьет кофе. Почувствовав что-

то до боли знакомое, я подумал: «Где-то я уже видел такую семью».

Сколько за эти годы было похожих застолий!..

Помнится, когда я впервые обедал с семьей Нэнси, она обмолвилась, что купила шину в каком-то автосалоне, и тут же последовало возражение кого-то из родственников:

— Ни за что не стал бы покупать у них шины. Они обдерут вас как липку. Я отовариваюсь исключительно в «Шелл».

— «Шелл»? — переспросил другой. — Ты покупаешь шины на АЗС «Шелл»? Никогда бы не стал этого делать. У них ужасные шины. Ни за что бы не стал ими пользоваться. Свои я покупаю в «Гудиер».

— «Гудиер»? — вмешался третий член семьи. — Их сервис просто отстой! А вот если приобретаешь шины в «Дискаунт Тайер», то получаешь бесплатную замену колеса через каждые шесть тысяч миль пробега. Я ни на чем не настаиваю, просто к слову.

И так продолжалось еще какое-то время.

Позже я спросил Нэнси:

— Чем закончилась эта перепалка?

— Какая перепалка?

— Ну, этот спор о качестве шин. Помнишь?

— Какая же это перепалка? — удивилась она. —

В нашей семье мы так помогаем друг другу.

Серьезно? За столом в *моей* семье, заведи я разговор о покупке автомобильных шин (что

маловероятно), мама сказала бы нечто вроде: «О, сынок, ты купил шины. Мы так гордимся тобой! Вот так растишь детей, учишь их отличать добро от зла и не знаешь, что из этого получится, а в такие моменты видишь, что усилия не прошли даром. Давайте-ка сфотографируемся на память».

Да, в каждом доме свои правила и свои традиции. Для Нэнси «разговор за столом» — то же, что откровенная беседа начистоту, когда о любых трудностях сообщается без всяких там экивоков, без подходов издалека. Она не терпит всей этой словесной мишуры.

Однажды, обедая в каком-то ресторанчике, мы весело над чем-то смеялись, когда к нашему столику подошла женщина и сказала:

— Я прихожанка вашей церкви; так приятно видеть, с каким удовольствием вы общаетесь друг с другом. Я поглядывала на вас — вы с такой теплотой смотрите друг на друга, когда разговариваете. Вы, должно быть, счастливы в браке.

— Временами, — тут же парировала Нэнси.

Она хочет, чтобы за столом звучала только чистая правда. И я по большей части нахожу в этом свои преимущества.

Когда мы с Нэнси еще только встречались, нам доводилось посещать воскресные ужины в доме ее бабушки Глэдис. Вся семья собиралась за старинным столом красного дерева, перевезенным в Калифорнию из Техаса. За этим столом я чувство-

вал себя членом ее семьи. Нэнси очень понравился этот стол.

После помолвки я за доллар выкупил у Глэдис право забрать этот стол себе, когда ее не станет. Я даже составил документ, подтверждающий мои права на этот стол, и прикрепил его к тыльной стороне столешницы, чтобы жадный кузен Нэнси не смог заполучить его, после того как Глэдис отправится в мир иной. Когда Глэдис умерла, ее стол красного дерева обрел новое пристанище в столовой нашего дома.

Когда обедают двое взрослых, стол может быть изысканно и стильно сервирован; но стоит появиться младенцу, как за столом водворяется хаос. Разумеется, самый простой способ сохранить безупречный порядок за столом — никого за него не пускать. Но иногда такой беспорядок врезается в память, чего не скажешь о безупречной трапезе за накрахмаленной скатертью. Однажды один из наших детей явно перестарался, пролив на скатерть все, что только можно; наказание было неминуемо, тогда малыш достал доллар и, положив банкноту на стол, спросил: «Возможно, мистер Вашингтон сможет заставить вас передумать?» Оказалось — смог.

Все трое детей появились в нашей семье в довольно короткий срок; каким же праздником стал тот день, когда за время совместной трапезы ни один из них ничего не пролил, не раскричался и

не выплюнул! Нашей младшенькой на тот момент исполнился двадцать один год, но я до сих пор считаю этот день величайшим семейным достижением.

У стола есть еще одна особенность, по крайней мере в нашей семье: каждый из нас всегда занимает одно и то же место. Я сижу напротив Нэнси и наискосок от Лауры. Даже после того, как дети разъехались, они, навещая нас, всякий раз занимают за столом свое место: Лаура по одну сторону, Джонни и Мэллори по другую; а теперь к Лауре присоединился ее муж Зак. Мы никогда не голосовали по этому поводу, не разрабатывали схему рассадки и ни о чем таком не договаривались. Просто в глубине души каждый из нас знает: «У меня должно быть свое место за столом». В моем случае все обстоит именно так: я хочу иметь свое место за столом и хочу видеть каждого из домочадцев на своем месте. И я доволен, когда ни одно из мест не пустует.

Иметь свое место за столом — значит быть неотъемлемой частью семьи. Каждый из нас чей-то брат или сестра, чей-то родитель или супруг. Мы живем в семейном кругу.

Стол напоминает мне о том, что *действительно* важно в этой жизни, — взаимоотношения. Мы запрограммированы на эмоциональное общение с другими людьми. Мы хотим, чтобы нас знали и любили. Мы хотим, чтобы нас принимали со

всеми нашими достоинствами и недостатками. И продолжали любить. Словом, мы жаждем близости.

Письменный стол моего кабинета украшает открытка с цитатой из эпического романа Виктора Гюго «Отверженные»:

Мы живем дружно — мой сюртук и я. Он принял форму моего тела, нигде не жмет, прилегает к моей нескладной фигуре, снисходительно относится к моим движениям; я его чувствую только потому, что мне в нем тепло. Старое платье — это старый друг¹.

На обороте открытки написаны три слова: *«Ты — мой сюртук»*. Эту надпись сделала Нэнси, что свидетельствует о нашей близости.

Кто-то подумает: *«Должно быть, Нэнси — замечательная жена»*.

Да.

Временами.

СТРАХ БЛИЗОСТИ

Несмотря на стремление к близости, многие из нас ее побаиваются. Стоило мне в разговоре упомянуть, что я пишу книгу о близости, как одни тут же заметно напрягались, другие краснели, а Нэнси так просто рассмеялась мне в лицо.

Порой я спрашиваю себя, почему мы так бурно реагируем на это? И почему так боимся близости?

Прежде всего, мне кажется, что все боятся душевных ран. Близость означает, что кто-то тебя

хорошо *знает*, например, как Нэнси знает *меня*. Ей известны мои сильные и слабые стороны, мои надежды и страхи. Этими знаниями она может воспользоваться, чтобы стать еще ближе или чтобы пристыдить, ранить или даже предать меня.

Кроме того, мы боимся близости еще и потому, что она может принести разочарование. Если мы с вами не были особенно близки, я вряд ли буду раздосадован, если вы меня подведете (что вполне возможно), поскольку с самого начала на многое не рассчитывал. Но если вы мне дороги, если я отчаянно нуждаюсь в вашей дружбе или любви, то если вы отвергнете или оставите меня, я буду уязвлен до глубины души. Я почувствую себя легковверным остолопом.

Близость может заставить нас чувствовать себя нуждающимися. Или того хуже, *выявить* нашу нужду. В общем-то, никому не нравится чувствовать себя эмоционально зависимым. Мы с большей охотой думаем о себе как о сильной, самодостаточной личности. (Как ни странно, стремление к близости, решение открыться для близких взаимоотношений, в которых мы не скрываем свои слабости или нужды, требует от нас недюжинной силы.)

Многие боятся близости, поскольку в глубине души считают, что не заслуживают ее. Мы боимся, что наши изъяны и недостатки обязательно проявятся, и в этом случае *утратить* близость будет гораздо больнее, чем не иметь ее вовсе. Всякий

раз, отваживаясь на близкие отношения, мы рискуем получить душевную рану или быть отвергнутыми. Поэтому и сторонимся таких отношений.

Парадоксальность ситуации заключается в том, что мы отчаянно желаем близости. Мы хотим, чтобы нас любили, восхищались нами, симпатизировали нам и принимали, несмотря ни на что. Мы мечтаем о крепкой дружбе, хотим, чтобы рядом был тот, к кому в трудную минуту можно обратиться за поддержкой. Хотим иметь верного друга, которому можно доверить свои секреты. Мы не только *хотим* близости, мы *созданы* для нее!

Мужчина вы или женщина, душа общества или аутсайдер, принадлежите к «мыслящему» или «чувствующему» или доселе неизвестному типу личности, — вы созданы для единения. Вы созданы для отношений. Вы созданы для близости.

Мы убеждаемся в этом всякий раз, видя, как новорожденный, едва появившись на свет, фиксирует взгляд на лице матери и каким-то чудом знает, как приникнуть к ее груди, чтобы поесть. Когда моя прежде незамеченная в чрезмерном чадолюбии жена взяла на руки нашего первенца, она с благоговением произнесла:

— Я готова убить за этого ребенка.

— Ты хотела сказать, что готова умереть за нее? — переспросил я, встревоженный столь бурным проявлением материнского инстинкта.

— Что за глупости? — возмутилась Нэнси. — Если я умру, это чудо достанется кому-то другому. Нет, я готова *убить* за нее.

Близость способна на неистовство, недоступное сдержанной отстраненности. Сердце каждого из нас алчет принятия, и этот голод превосходит любой другой.

Доказательством тому служат двое молодых влюбленных, пожирающих друг друга взглядом; пожилые супруги, неразлучно сопровождающие друг друга, держась за руки; малыш, сияющий от только что узнанного секрета, который он спешит прошептать нам на ухо. Доказательством тому служит Библия, рассказывающая о том, как Бог, посмотрев на Адама, решил, что «не хорошо быть человеку одному», и приступил к созданию «помощника, соответственного ему»².

Ощущая близость, мы способны справиться с любыми житейскими трудностями, а без нее даже величайшие достижения для нас — пустой звук. Какая уж тут радость успеха, если рядом нет человека, с которым можно поделиться ею? Вот почему стремление к близости я считаю важнейшим и достойным самого пристального внимания явлением.

Конечно, для большинства из нас утолить жажду близости сложнее, чем просто добавить в свой рацион большее количество клетчатки. Такие перемены не случаются сами собой, без нашего уча-

ствия. Над этим придется поработать. Но результат того стоит, поскольку в глубине души каждый из нас знает: ничто на свете не сравнится с близостью с родным по духу человеком. А близость с Богом? Она выводит нас на абсолютно новый уровень понимания действительности.

Хотя, возможно, установление «близости с Богом» представляется вам еще одной обязанностью в вашей и без того перегруженной заботами жизни. Ведь и с реальным, живым человеком из плоти и крови построить близкие отношения не просто. Что уж говорить о близости с Тем, Кого даже нельзя увидеть? Более того — с Духом?

Хорошо, а если я скажу, что Бог не только создал вас для близости, но и с самого начала стремился разделить ее с вами?

Вскоре после того, как Бог пришел к выводу, что «не хорошо быть человеку одному», мы видим Его гуляющим в саду *в поисках* Адама и Евы. Они были Его творением, Он наслаждался общением с ними и хотел проводить с ними время. Но они спрятались. Наконец Бог позвал Адама: «Где ты?»³

К сожалению, змею удалось убедить Еву отведать плодов с дерева познания добра и зла, а она угостила ими Адама. В тот же миг их отношение к Богу изменилось — узы близости были разорваны. Впервые осознав свою наготу, они испытали стыд. Впервые они были напуганы тем,

что Бог их *увидит* и *узнает*. Поэтому Адам и Ева спрятались.

А теперь самое интересное: Бог *позволяет* им скрыться, потому что принуждением близости не достичь. Бог не желает подчинения; Он стремится к единению. Близость уважает отстраненность, но стремится ее преодолеть. Так же как Бог в Эдемском саду, она зовет: «Где ты?» С тех пор Бог, движимый желанием близости с нами, задает все тот же вопрос.

Бог хочет видеть нас за Своим столом. Иисус говорит: «Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною»⁴.

Эти слова апостол Иоанн, близкий друг Иисуса, записал в глубокой старости. Должно быть, он помнил не одну трапезу, разделенную с Господом. Упомянув о застолье с Иисусом, апостол говорит, что каждого из нас ждут за этим столом. И, предаваясь размышлениям о любви, о близости, я, по примеру Иисуса, представляю стол.

Непостижимым образом мы приглашены к близкому общению с Богом. Но как принять это приглашение? Неужели Бог говорил с нами все это время, а мы слышали, но не понимали, что Он шептал нам о Своей любви? Неужели мы до сих пор не поняли, насколько Он близок? Думаю, так и есть. В принципе, я не удивлюсь, если наши отношения с людьми Бог использует, чтобы научить нас любить *Его*. Чем

больше мы стремимся к близости в отношениях с людьми, тем отчетливее видим и понимаем невероятную, дерзновенную Божию любовь к нам.

Но мы забегаем вперед. А пока позвольте мне рассказать вам о том, что я узнал о близости в свой медовый месяц.

ТЫ СО МНОЙ?

ЧТО ТАКОЕ БЛИЗОСТЬ

Чтобы узнать человека и поддерживать с ним близкие отношения, приходится нарушать его границы, что всегда чревато, даже если вы женаты пятьдесят лет.

Эми Блум

Когда-то давным-давно, в тридевятом царстве, в тридесятом государстве, я жил не тужил и мечтал, что однажды стану лучшим мужем на свете.

А потом я женился.

В то время мне казалось, что о близости я знаю все необходимое, но я и подумать не мог, до какой степени я был эмоционально инфантилен. Я верил, что близость — это чувство, которое снизойдет на меня после слов пастора: «А теперь жених может поцеловать невесту», — и все, что последует за этим, будет сродни восхитительному, приводящему в восторг голливудскому мюзиклу. Мысль о том, что близость необходимо *созидать*, никогда не приходила мне в голову. Как и следовало

ожидать, мое махровое невежество привело к некоторым проблемам.

Когда мы только начали встречаться с Нэнси, она иногда говорила или делала то, что мне не нравилось. Она могла прилюдно категорически не соглашаться со мной или заявить что-нибудь излишне властным и самоуверенным тоном. Как ни странно, но меня в первую очередь привлекло в ней то, что она никогда не лезла за словом в карман и имела твердые убеждения. И такой она была всегда. Впервые эту особенность подметила ее воспитательница в детском саду: «Нэнси быстро освоилась, но во время тихого часа она предпочитает говорить, а не спать». Поэтому, несмотря на то что общительность и экспрессивность Нэнси привлекали меня, эти же качества порой досаждали мне.

И я не очень успешно справлялся с этой досадой.

Когда у нас бывали разногласия, я, вместо того чтобы обсудить с Нэнси то, что меня не устраивало, замыкался и обижался. Постоянно. В умении дуться я был действительно сверхъестественно одарен. Я не шучу, будь я супергероем, моей суперсилой было бы умение хмуриться и дуться. Своей недовольной миной я бы запросто вгонял плохих парней в глубочайшее чувство вины и раскаяния, вынуждая их сдаться и отступить.

Возможно, умение дуться и отмалчиваться — великая (хотя и нетрадиционная) суперсила, но оно же — безжалостный истребитель близости.

В вечер нашего предсвадебного ужина Нэнси вновь меня чем-то расстроила, уж и не помню чем. Но, вместо того чтобы сказать ей о том, что меня беспокоит, и разобраться в этом (как обычно поступают два взрослых человека), я принял позу вежливой замкнутости и отстраненности. Разумеется, она не могла этого не заметить, и в результате событие, которое должно было доставить нам огромную радость, принесло лишь разочарование.

На следующий день, так и не разобравшись с происшедшим накануне вечером разногласием, мы прибыли в церковь, поженились и отправились в свадебное путешествие.

Считается, что медовый месяц должен быть идеальным, и у меня — как у идеального мужа — был свой идеальный план. Нэнси родилась и выросла в Калифорнии. Она всегда любила океан и теплый климат побережья. Поэтому в наш медовый месяц я, разумеется, привез ее... Как вы думаете, куда? В Висконсин, который омывается водами сразу двух... Великих озер.

Я думал, что это впечатлит ее!

Ага. Не тут-то было. Кто бы мог подумать?

Неудивительно, что наш медовый месяц по эмоциональному накалу походил на американские горки. Если Нэнси говорила или делала что-то, вызывающее мое неодобрение, я, вместо того чтобы поговорить с ней об этом, замыкался и отстранялся. Однажды мы сидели с ней у бассейна

(это был прекрасный день, чтобы дуться в свое удовольствие), я читал книгу — чем вам не способ дистанцироваться от жены? (Вы не ослышались, я не только взял в свадебное путешествие книгу, но и читал ее у бассейна). Я всю жизнь предвкушал, как проведу свой медовый месяц. Едва достигнув периода полового созревания, я *жил* мыслями о медовом месяце. И вот я здесь, на прекрасном курорте Висконсина, но, вместо того чтобы наслаждаться близостью с женой, сижу и читаю. И не какую-нибудь там беллетристику, а биографию Зигмунда Фрейда. (Это чистая правда!) Как вам, должно быть, известно, Фрейд в основном писал о сексе. Так вот, вместо того чтобы *заниматься* сексом, я читал о нем.

Что бы по этому поводу сказал Фрейд?

И как бы это расценил Иисус?

А вот что сказала Нэнси: «Отложи эту книгу!»

Вообще-то я привожу изрядно цензурированную версию ее высказывания. На самом деле она произнесла такое характеризующее мою книгу словцо, которое обычно вырывается из уст человека, со всего маху ударившего по пальцу молотком. Это было в высшей степени небаптистское слово.

«О, Боже, — подумал я, — медовый месяц еще не кончился, а она уже сквернословит».

Видите, что я сделал? Вместо того чтобы разобратся с причиной, вызвавшей негодование Нэнси, я раскритиковал способ, каким оно было

выражено. Другими словами, я снова угодил пальцем в небо.

Высказанное Нэнси «предложение» отложить книгу и обратить внимание на нее, было *приглашением* к близости (только в ее собственной, небаптистской манере). Я вновь оплошал. В силу профессиональных навыков клинического психолога и немалого опыта в служении я мнил себя экспертом, разбирающимся в близости. Но на самом деле был полнейшим профаном.

ЧТО ЖЕ ТАКОЕ БЛИЗОСТЬ?

Почему-то в сознании многих людей западной культуры слово *близость* ассоциируется с сексом. Да, некая связь между двумя этими словами действительно просматривается, но они не взаимозаменяемы, и одно вовсе не является зависимым по отношению к другому. Для достижения близости секс вовсе не обязателен, а чтобы заняться сексом, можно обойтись и без близости. На самом деле подавляющее большинство близких взаимоотношений не имеет абсолютно ничего общего с сексом. Близость отличает наши отношения с детьми, родителями, друзьями, коллегами — и даже с Богом.

Близость — это не просто нечто мистическое, некое чувство, которое одним пережить суждено, а другим нет. Близость доступна не только лицам определенного темперамента, супругам или тем, кто по типологии Майерс-Бриггс причислен

к «чувствующим». И тем более близость — это не то, чем неким чудесным образом наполняются наши сердца, когда во время церемонии венчания мы, стоя у алтаря, произносим «да».

Лучшее из известных мне определений близости (составляющее суть этой книги) принадлежит моему другу Далласу Уилларду.

Даллас был главой кафедры философии Университета Южной Калифорнии. Вы, должно быть, слышали шутивное выражение: «Если ты самый умный человек в комнате, ты ошибся комнатой». Даллас всегда ошибался комнатой. К тому же он был лучшим знатоком Библии. Его постоянно окружали люди, поскольку все, что он говорил, было незабываемо и уникально. Например:

- В Царстве Божьем не бывает проблем. Как и у тех, кто пребывает в нем.
- Реальность — это то, с чем сталкиваешься, когда ошибаешься.
- Христиане — это люди, почитающие за счастье умереть.

Но куда больше его мудрости была его способность воспринимать жизнь как неспешный дар и умение делиться своими переживаниями с окружающими.

На одном из двухнедельных интенсивных курсов для служителей моему другу довелось поработать у Далласа помощником преподавателя.

Они жили в одном доме; по вечерам Даллас, сняв костюм, переодевался в футболку и шорты, но оставался в коричневых классических туфлях и коричневых носках.

В один из таких вечеров, сидя у телевизора и переключая с канала на канал, они наткнулись на испаноязычную программу, участники которой зажигательно танцевали сальсу, и Даллас сказал: «Выглядит забавно. Надо бы и мне попробовать эти движения».

Мысль о Далласе Уилларде — мужчине солидного возраста, уроженце фермерского Миссури, воспитанном в лоне консервативной баптистской церкви, эксперте по феноменологии — танцующем сальсу в шортах и коричневых туфлях — просто бесподобна и почти так же незабываема, как его учение.

Так вот, однажды он сказал мне: «Ты представляешь собой нескончаемый поток жизненных переживаний. Жить — значит уметь наполняться переживаниями реальности бытия».

Звучит обманчиво просто, но его слова помогли мне сформулировать то, к чему я всегда стремился. Да, я хотел познавать нечто новое, то, что наполняет яркими, незабываемыми переживаниями: первый крик моего новорожденного ребенка; возможность оседлать волну на Кауэллс-Бич; прекрасное исполнение арии Жана Вальжана «Приведи его домой» в мюзикле «Отверженные»; разговор с дорогим

тебе человеком у потрескивающего костра, затянувшийся глубоко за полночь; созерцание вместе с детьми в спальных мешках на веранде созвездия Плеяд под звуки песни «Звездная, звездная ночь...» в исполнении Дона Маклина...

«Близость, — объяснил Даллас, — это общие переживания».

Подумайте об этом. Если жизнь состоит из накопленных переживаний, то в известном смысле качество жизни свидетельствует о добротности этих переживаний. Жизненные переживания формируют наши взгляды и мировосприятие. Если вы задумаетесь, как достигли сегодняшнего уровня развития, легко заметите роль жизненных переживаний в формировании вашей личности.

Иногда с помощью мобильных телефонов мы запечатлеваем себя в те счастливые моменты, которые хотели бы сохранить в памяти. Кто же станет фотографировать то, что хочется поскорее забыть? Никто не делает селфи при расставании с любимой, увольнении, провалившись на экзамене или рыгнув на первом свидании. Мы стремимся запечатлеть себя во время игры в мяч, в турпоходе, на концерте или даже за рулем автомобиля. (Какая пугающая мысль!)

Мне удалось вычитать один любопытный факт: в 2015 году людей, которые погибли, делая селфи, оказалось больше, чем погибших от нападения акул¹. Хотя вряд ли кто-то делает селфи во время

нападения акул, да и встречи с ними происходят не слишком часто.

Мы не только радуемся своим переживаниям, но и испытываем настоятельную потребность *делиться* ими. Делясь переживаниями — радостными, горестными и будничными событиями, — мы разделяем с другими людьми свою *жизнь*. В результате возникает *единение*, еще одно важнейшее слагаемое близости.

Во время медового месяца Нэнси хотелось *сближения* со мной. Она злилась, что я не уделяю ей должного внимания. Сердилась на мою эмоциональную недоступность. Досадовала, что в медовый месяц ей приходится торчать в Висконсине. Но главным образом она негодовала из-за того, что я отказывался *разделить с ней переживания* нашего медового месяца. В этот критически важный момент наших взаимоотношений я оказался неспособен понять, что *общие переживания* составляют суть близости.

Всякий раз, делясь с кем-то своими переживаниями, мы делаем шаг навстречу близости. Если вы не считаете себя сентиментальным сверх всякой меры, то можете решить, что вам не удастся построить близких отношений. Но это не так. Близость не требует грандиозных или изощренных знаков внимания, чего-то сокровенного или сенсационного, например, тщательно спланированного романтического отпуска или волнующих,

обнажающих душу сентиментальных слов. Скорее она возникает из тысяч незначительных, повседневных моментов *общения*.

Спросите вернувшихся из школы детей, как прошел их день. Поинтересуйтесь (и проявите неподдельный интерес), в чем ваша жена была на приеме. Выслушайте анекдот. Вспомните любимое вино, книгу или телешоу вашего знакомого. Восторженно бодните головой игрока, забившего гол в ворота противника. Не делайте вид, что не заметили пребывающего в меланхолии приятеля, и поддержите его словом ободрения. Подмигните уставшему коллеге во время напряженного совещания, как бы говоря: «Все под контролем». Отложите книгу Фрейда и выслушайте разочарованную медовым месяцем в Висконсине супругу.

Единственная нота в музыке — ничто, но если собрать достаточное количество нот и расположить их в должном порядке, получится Девятая симфония Бетховена. То же самое справедливо и в случае с общими переживаниями. Одна встреча может ни к чему не привести, но разделите с человеком его переживания... и обретете близость.

БЛИЗОСТЬ ТРЕБУЕТ АБСОЛЮТНОГО ПРИСУТСТВИЯ И ВРЕМЕНИ

Если мой медовый месяц и доказал что-то (кроме того, что чтение книг Фрейда редко «поднимает настроение»), так это то, что близость не возникает

автоматически от пребывания в одном и том же месте в одно и то же время. Находясь рядом, можно не делиться переживаниями.

Не существует такого понятия, как односторонняя, автономная близость. По своей природе близость должна быть *взаимной*. Следовательно, основной строительный материал близости (с Богом или другими людьми) — это общие переживания, скрепляющие полноценные взаимоотношения. Близость по большей части возникает в ответ на приглашение разделить множество обычных, а иногда исключительных событий повседневной жизни и в тот момент, когда такое приглашение не только принято, но и взаимно.

Чтобы разделить общие переживания, необходимо абсолютное присутствие в жизни другого человека, подразумевающее полноценное взаимодействие с ним. Необходимо откровенно делиться своими мыслями, чувствами, впечатлениями и внимательно слушать, когда другой человек делает то же самое. В противном случае это всего лишь два человека, оказавшихся в одном месте в одно и то же время. Если физически я присутствую рядом, но продолжаю обдумывать ситуацию на фондовом рынке или проблемы на работе, в то время как вы рассказываете о событиях своего дня, то обмена общими переживаниями не происходит.

Двое могут вместе ужинать, смотреть кино, ходить в магазин или даже пережить страшную

трагедию, например потерю ребенка, и все же не сблизиться, а еще больше отдалиться.

Не так давно, во время ужина, физически присутствуя за одним столом с Нэнси, я целиком сосредоточился на экране своего мобильного телефона. С начала ужина прошло несколько минут, и я получил текстовое сообщение от Нэнси, которое гласило: «Я сижу рядом». Телефон — полезная штука, но не нужно переоценивать его роль. Телефон служит человеку, а не человек — телефону.

Можно ли обмен текстовыми сообщениями назвать временем, проведенным вместе? Нет. А электронными письмами? Тоже нет. Совместный просмотр телевизора? Ну, это зависит от того, что именно вы смотрите. Если трансляцию исполненной драматизма игры плей-офф НФЛ, во время которой вы дружно переживаете взлеты и падения любимой команды, то, безусловно, да. А если телешоу «Холостяк», то нет, это небиблейское зрелище, поэтому я настоятельно советую не пренебрегать здравомыслием.

Отличительной особенностью Иисуса была Его поразительная способность абсолютного присутствия в общении с человеком. На страницах Библии вы не найдете подобного обращения Иисуса: «А? Что ты сказал? Я отвлекся. Быть Мессией — это вам не шуточки». Иисус всегда знал, как обстоят дела у Его друзей.

Разумеется, абсолютное присутствие требует времени.

Время для нас драгоценно, поскольку это весьма ограниченный ресурс. Можно заработать больше денег, но заработать больше времени невозможно. Вот почему, когда кто-то жертвует своим временем, он стремится укрепить близкие отношения. Ведь потраченного времени не вернуть.

Стремление к близости доказывает, что отношения, которые мы ценим больше всего, для нас дороже времени.

Как-то раз, обсуждая с Нэнси наши взаимоотношения и то, на что я трачу свое время, я спросил ее:

— Не слишком ли много времени я уделяю работе?

— Все не так уж и плохо, — был ее немедленный ответ.

Конечно, это лучше, чем «плохо», но ненадолго. Иисус не говорил: «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если отношения между вами будут *не такими уж плохими*» (ср.: Ин. 13:35).

Вот главная проблема со временем: всегда есть что-то еще, что требует нашего внимания. Всегда найдутся письма, на которые необходимо ответить, дела, которые необходимо сделать, проекты, которые необходимо завершить. Но что-то я не припомню, чтобы дети когда-нибудь говорили нам: «Пап, мам, почему бы вам остаток вечера не посвятить подготовке своего доклада?»

Когда дело касается времени, вы обязательно кого-нибудь разочаруете. Пусть только не того, кто вам дорог. Потому что, в конечном счете, взаимоотношения — общие переживания — это то, что действительно важно.

Мне не доводилось слышать, чтобы на смертном одре кто-нибудь просил: «Принесите мое резюме, хочу перечитать его напоследок. А заодно проанализировать свой финансовый портфель и отметить галочками особенно выдающиеся успехи во внушительном списке моих достижений».

Совместно проведенное время и абсолютное присутствие — основа общих переживаний. Без них подлинная близость невозможна. Это самое дорогое, чем мы можем одарить своих любимых.

Кстати, о подарках... Когда наши дети были еще дошколятами, мы с женой решили сделать семейный портрет в фотоателье одного из торговых центров. Мне хотелось разослать эти фотографии на Рождество, чтобы все увидели, как выглядит счастливая и дружная семья.

Я не знаю, кто был владельцем этого ателье, но кем бы он ни был, ему бы следовало прикрыть эту лавочку. То, с чем мы там столкнулись, было ужасно. Незнакомец за широкоформатной камерой главным образом принимал более чем странные и до слез напугавшие детей позы.

Я, конечно, не эксперт, но почти уверен, что если в качестве рождественской открытки разослать

снимки с тремя зареванными малышами, добра не жди. Особенно если вы пастор. Поэтому нам с женой пришлось исхитриться и, прибегнув к различным манипуляциям, добиться-таки улыбающихся детских мордашек на фотографии.

На первом этапе создания «радостного настроения» я бодро объявил:

— Эй, детишки, будет очень весело! Вам понравится.

Попытка не удалась, пришлось перейти ко второму этапу — подкупу.

— Дети, кондитерская в паре шагов отсюда. Если сделаем удачный снимок с улыбающимися лицами, пойдём в кафе, где каждый получит двойную порцию брауни с шоколадной глазурью, а для этого нужно просто улыбнуться.

Не сработало.

Мы перешли к третьему этапу, который в основном представлял собой серию угроз.

— Я кому сказал улыбаться! Ах, ты решила реветь? Ну, так я дам тебе повод пореветь.

Если кто-то не знает, именно так выглядит доказавший свою «эффективность» способ заставить малышей улыбаться. Для освоения этой техники мне потребовалось несколько лет обучаться в аспирантуре. И все же — как ни странно — он не сработал. Хотя нет, все стало еще хуже.

К этому времени ателье заполнилось другими родителями, приведшими своих чад фотографи-

роваться, и, наблюдая за «фотосессией» моего семейства, все дети подняли рев.

Я был в отчаянии. Взяв на руки трехлетнюю Мэллори, плакавшую громче всех и буквально сотрясавшуюся от рыданий, я спросил:

— У тебя горе, детка? — (Это называется эмпатия — все-таки годы обучения в аспирантуре не прошли даром.) — Бьюсь об заклад, я знаю, чего бы тебе хотелось прямо сейчас...

Мэллори всегда любила маленьких кукол, плюшевых зверушек и другие игрушки, ее любимицей на тот момент была кукла, которую она назвала Малюткой-Пипеткой. Это была первая кукла, которой она дала имя, и мы терялись в догадках, чем оно ей так приглянулось. Нельзя сказать, чтобы Мэллори постоянно сталкивалась с этим медицинским инструментом, но почему-то решила именно так назвать свою куклу.

В тот момент я знал, что если что-то и способно утешить мою дочь, так это мысль о ее любимой маленькой кукле. И я сказал:

— Мэл, спорим, что больше всего на свете ты хотела бы увидеть сейчас рядом с собой свою Малютку-Пипетку, не так ли?

Приготовившись снова зареветь, она сморгнула набежавшие слезы и так старательно выпятила нижнюю губу, что на ней, словно на жердочке, вполне могла бы поместиться птица. Не отважившись заговорить, девочка просто кивнула.

Тогда вкрадчиво и нежно я произнес:

— Так вот, дорогая, если ты хочешь вновь увидеть свою Малютку-Пипетку...

Одним словом, физически я был рядом с детьми, но не представлял, как разделить их переживания. Я спешил. Я боялся, что невольные свидетели этой сцены решат, будто я не знаю, как справиться с такой семейной неурядицей. (Будто это было возможно!) Мне хотелось поскорее покончить с этим и заняться чем-нибудь другим. Мне было жаль денег, потраченных на фотографии с тремя плачущими детьми, которые — если представить, что они будут разосланы на Рождество, — вероятно, заинтересуют соцработников, и те нагрянут к нам с инспекцией.

«Пребывание» с кем-то требует терпения и самоотверженности, подразумевая умение ставить желания и потребности другого человека выше собственных и готовность потратить столько времени, сколько необходимо, чтобы человек мог почувствовать, что его ценят и любят.

ЭКСПЕРТ ПО ОБЩИМ ПЕРЕЖИВАНИЯМ

Иисусу не было равных в умении укреплять близкие отношения, уделяя этому время и внимание. Об этом свидетельствует круг Его ближайших друзей, которые практически стали Его семьей.

В Евангелии от Марка говорится о цели, которую преследовал Иисус при выборе своих

учеников: «И поставил из них двенадцать, чтобы с Ним были...»²

Вот так просто: *чтобы с Ним были*. Когда? Ну, как оказалось, довольно часто. Когда Он учил, странствовал, трудился, ел, отдыхал, когда был окружен толпой обожателей и когда все покинули Его. Иисус часто удалялся от учеников, чтобы помолиться и восстановить силы в общении с Богом, но основную часть Своей жизни Он посвятил простому пребыванию с ними. Только не подумайте, что Он всегда был с ними *счастлив* (вообще-то они здорово осложняли Его задачу — да и Он не всегда стремился *их* радовать). Но вот чего вы точно ни в одном из Евангелий не найдете, так это подобного сговора учеников: «Послушай, Иисус, почему у Тебя больше нет для нас времени? Теперь, когда Ты знаменит и окружен повсюду следующей за Тобой толпой поклонников, когда все называют Тебя Мессией, обращаются с просьбами и ждут исцеления, мы больше с Тобой не видимся». С самого начала, когда еще не было всех этих толп страждущих, и потом, когда на плечи Иисуса легло неподъемное бремя забот и нужд всего мира, Его друзья знали, что у Иисуса всегда найдется для них время.

Все три года Иисус щедро делился с друзьями Своим опытом, впечатлениями и переживаниями. Недавно я решил посмотреть, что же составляло их общие переживания, и поразился тому, что мне удалось обнаружить.

Они странствовали вместе

Чаще всего они вместе странствовали. Фактически, это были самые первые переживания, которые они разделили с Иисусом: «Проходя же близ моря Галилейского, увидел Симона и Андрея, брата его... И сказал им Иисус: идите за Мною...»³

Идите за Мною. Возможно, это самое грандиозное, преобразующее жизнь приглашение к близости из всех, когда-либо произнесенных. Иисус не сказал: «Повинуйтесь Мне», — хотя, разумеется, послушание является частью следования за Господом. Он не сказал: «Доверяйте Мне», — хотя, по мере возрастающей близости, Его последователи, разумеется, проникнутся доверием к Нему. Он не сказал: «Служите Мне», — хотя именно это станет величайшей целью их жизни. Он просто пригласил их вместе пройти. Как оказалось, эта прогулка продлилась три года.

Все началось с совместного странствия, и даже после Своего воскресения Иисус не отказался от семимильной прогулки до Эммауса в компании двух учеников.

Пройтись вместе — это так просто и почти ничего не стоит. Для этого не нужны особые навыки. Но такие совместные странствия очень сближают. Иисус так много ходил с учениками, что фраза «хождение с Иисусом» стала общепринятым определением новозаветного ученичества. Любить Иисуса означало ходить вместе с Ним. И до сих пор означает.

Они ели вместе

И опять ничего сложного. Все должны есть. Каждый умеет это делать, и это не обязательно требует особых затрат. В перерывах между странствиями Иисус часто принимал участие в совместных трапезах. «И когда Иисус возлежал в доме, многие мытари и грешники пришли и возлегли с Ним и учениками Его»⁴.

Кстати, самая известная трапеза в истории — вечера Господня — названа в честь Иисуса, и в Библии сказано, что Он «очень желал» разделить ее со Своими учениками, хотя знал, что скоро умрет⁵. Вот вам пример подлинной близости!

Они учились вместе

Иисус много времени уделял обучению Своих учеников. Раз за разом мы читаем в Библии: «...приступили к Нему ученики Его. И Он, отверзши уста Свои, учил их...»⁶ Что-то кардинально меняется в наших взаимоотношениях, когда мы учимся, тянемся друг за другом и вместе духовно растем. Только представьте, насколько богаче будет опыт прочтения книги, если обсудить ее с друзьями.

Они помогали друг другу

«Итак, если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу»⁷.

Выполнение поручений и оказание помощи не помеха служению на благо Царства Божьего;

собственно, это и *составляет* наше служение, потому что служение в Божьем Царстве заключается в любви. Если у нас нет времени для выражения любви, мы слишком торопимся. Точка.

Они отдыхали вместе

«Он сказал им: пойдите вы одни в пустынное место и отдохните немного, — ибо много было приходящих и отходящих, так что и есть им было некогда»⁸.

Они плавали в лодке

«И отправились в пустынное место в лодке одни»⁹.

Они взбирались на гору

«...Взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, и возвел на гору высокую особо их одних, и преобразился перед ними»¹⁰.

Они молились

«Случилось, что, когда Он в одном месте молился, и перестал, один из учеников Его сказал Ему: Господи! научи нас молиться...»¹¹

Они рыбачили

«Когда же перестал учить, [Иисус] сказал Симону: отплыви на глубину, и закиньте сети свои для лова»¹².

Они разъезжали на автомобиле

«При наступлении дня Пятидесятницы все они были единодушно вместе»^{*13}.

Абсолютное присутствие Иисуса в жизни друзей не требовало жертвовать близостью в угоду эффективности служения. Иисус был готов отложить на время достижение намеченной цели, если того требовало близкое общение с друзьями.

«ПРАВИЛО 10 000 ЧАСОВ»

До какой степени Иисус был предан идее общения с ближайшими друзьями? Насколько можно судить, в Библии сказано, что ученики были с Иисусом около трех лет. Предположим, что они проводили вместе по десять часов в день, и чисто теоретически представим, что каждый месяц они на пару дней расставались. Получится примерно 340 дней ежегодного ученичества. А теперь посчитаем:

$$\begin{aligned} & 10 \text{ часов в день} \times 340 \text{ дней в году} \times 3 \text{ года} = \\ & 10\,200 \text{ часов ученичества с Иисусом} \end{aligned}$$

Журналист Малкольм Гладуэлл в книге «Гении и аутсайдеры: почему одним всё, а другим ничего?» пишет о «правиле 10 000 часов». Суть

* В авторском варианте: «On the day of Pentecost, the disciples were together in one Accord». Здесь автор обыгрывает «in one accord» («единодушно») и название марки автомобиля Honda Accord. — *Здесь и далее все подстрочные примечания принадлежат переводчику.*

этого правила сводится к следующему: достижение высокого уровня мастерства в сложных видах деятельности невозможно без практики. Ученые даже вывели волшебное число, ведущее к мастерству: 10 000 часов, будь то игра на скрипке, компьютерное программирование, операция или удар по крученому мячу¹⁴.

Если применить этот принцип к ученикам, то какое «мастерство» они осваивали на протяжении 10 000 часов в обществе Иисуса? Приблизительно тогда же, когда означенный срок подошел к концу, Он сказал им: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга. По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою»¹⁵.

Таким образом, можно сказать, что время, проведенное вместе — общие впечатления и переживания, — это ключ к овладению искусством построения близких отношений с Иисусом и друг с другом, а *любовь* — фактор, определяющий успех в этом деле.

ВЕЛИЧАЙШИЙ ДАР

В нашем случае применим тот же принцип, будь то близость с Богом или друг с другом, главное — общие переживания, время, посвященное друг другу, и абсолютное присутствие.

Поскольку Бог присутствует *всегда*, близость с Ним возможна в любой момент нашей жизни. Он всегда рядом. Мы просто должны прийти к Нему и провести с Ним время.

В случае нужды обратитесь к Богу за помощью и, прислушавшись, поймете, какая сила, мудрость или верное решение будут предложены вам для дальнейшего продвижения вперед. Переживая моменты счастья, не забудьте, Чьей благодатью оно даровано, и найдите время прославить Его. Восхищаясь красотой творения, вспомните создавшего ее Творца и выразите Ему благодарность. Попросите Бога наделить вас способностью видеть этот мир *Его* глазами и разделить с вами *Его* переживания. Спросите Его: «Небесный Отец, что Ты чувствуешь, глядя на этого человека? Что было у Тебя на сердце, когда Ты создавал это дерево? Какую радость Ты испытываешь, взирая на восхитительную красоту Своего творения?»

Люди, осознанно искавшие единения с Богом, находили Его в самых неожиданных местах. Св. Игнатий Лойола говорил, что Бог существует во всем на свете¹⁶. Миссионер Фрэнк Лаубах называл эту духовную практику «игрой с минутами», цель которой заключалась в том, чтобы «вспоминать Бога по крайней мере одну секунду из каждых шестидесяти»¹⁷. Живший в семнадцатом веке монах ордена кармелитов брат Лоренс описал это так:

Во время своей работы я всегда продолжал говорить с Господом так, как будто Он был рядом со мной, я доверял Ему все свои дела и благодарил Его за помощь.

И в конце своей работы я тщательно изучал ее. Если я находил, что выполнил ее хорошо, то благодарил Бога. Если я замечал недостатки, то просил у Него прощения и, не унывая, продолжал свою работу, все еще пребывая в Нем¹⁸.

Попробуйте. И вы увидите, что обычный день — такой, например, как *сегодня*, — может стать днем необычайной близости с Богом, которой вы никогда прежде не знали.

Но и это еще не все.

Если близость — это общие впечатления и переживания, то, возможно, величайшим примером приглашения к близости можно назвать воплощение Христа — мистическое, сверхъестественное решение Бога уподобиться нам! Он пришел на землю, принял облик человека и жизнь во плоти со всеми ее радостями, горестями, искушениями и победами, чтобы мы лучше поняли, как нам стать более похожими на Него.

Богу ничто не мешало любить нас на расстоянии. Но Он хотел не только любить, Он хотел сблизиться с нами. Поэтому Бог стал полностью человеком, чтобы всецело разделить человеческие переживания. Через посредничество Иисуса Бог разделит наше одиночество, усталость, тревогу и печаль. Он разделит нашу радость и нашу боль.

Он разделил с нами счастье утешения, дарованное поддержкой близких, и периоды отчаяния, когда мы были оставлены всеми.

Воплощение говорит нам, что история нашего мира — это история Божьей жажды близости; Его боли при утрате этой близости из-за грехопадения; Его решимости вернуть ее; Его неистовой радости вследствие свершившегося искупления.

В таком случае, возможно, мы гораздо ближе к Богу, чем думаем. Быть может, близость с Богом — это не столько то, чего можно *добиться*, сколько то, что можно просто *принять*.

И как знать (только представьте себе такую возможность!), не принесет ли нам эта близость покой, хотя бы на время?

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие

Столик на одного? 7

Глава 1

Ты со мной? 20

Глава 2

Давайте разберемся..... 46

Глава 3

Рожденные для единения 94

Глава 4

Ваше предложение...115

Глава 5

Я, моя самооценка и ложь 128

Глава 6

Радость присяжных..... 148

Глава 7

Мы должны быть преданными 171

Глава 8

Есть что-то, что не любит ограждений 203

Глава 9

Нагие и бесстрашные..... 238

Глава 10

В плену у темноты 269

Глава 11

Это касается лично вас 298

Глава 12

Хьюстон, у нас проблема 321

ГЛАВА 13	
Кто будет плакать на ваших похоронах?.....	349
ГЛАВА 14	
И напоследок.....	376
ПРИМЕЧАНИЯ	396